

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Полянина Алла Керимовна

УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ ДЕТЕЙ В
УСЛОВИЯХ ИНТЕНСИВНОГО РАЗВИТИЯ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ

Специальность 5.4.7. Социология управления

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Екатеринбург – 2024

Работа выполнена на кафедре социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный консультант:

доктор социологических наук, профессор
ГРУДЗИНСКИЙ Александр Олегович

Официальные оппоненты:

ЗАМАРАЕВА Зинаида Петровна, доктор социологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», заведующая кафедрой социальной работы и конфликтологии.

МАРКОВ Александр Анатольевич, доктор социологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», заведующий кафедрой международных отношений и политологии.

ПРОНИНА Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», профессор кафедры цифровой журналистики.

Защита состоится 8 октября 2024 года в 11 часов на заседании диссертационного совета УрФУ 5.4.14.29 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»:
<https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=6097>

Автореферат разослан « » _____ 2024 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

Алексей Константинович Клюев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Объявление детей важнейшим приоритетом государственной политики означает гарантирование условий их всестороннего развития и безопасности. Одной из доминирующих тенденций развития общества продолжает оставаться глобальная технологическая модернизация общественных систем и коммуникаций. Качественная трансформация процессов культурного социогенеза более всего сказывается на детях, погружая их в «ситуацию информационной социализации», резонирующую с основными принципами педагогики и известными моделями интеграции в социальную среду. Рефлексия новых опасностей, индуцируемых эпохой технологической предопределенности, дает импульс научным изысканиям в области информационной безопасности человека. Амбивалентный характер развития медийных технологий проявляет себя и как условие развития, и как фактор уязвимости социальных объектов, особенно выраженный в детской повестке проблемы. Очевидность задач охраны детства объясняет внимание к этой проблеме лидеров государств, конституционное закрепление приоритета детей и даже добровольное ограничение активности субъектов медиаиндустрии, например создание крупнейшими российскими игроками цифрового рынка в сентябре 2021 года «Альянса по защите детей в цифровой среде».

Информация, обладая множеством значений, кардинально меняя форму и каналы доставки, утрачивает статус ориентирующих сведений и становится источником опасности. Антонимической оппозицией безопасности является угроза, поэтому реальность информационной безопасности обусловлена реальностью информационных угроз.

Декларируемые стратегические задачи обеспечения информационной безопасности детей остро нуждаются в скорейшем решении и внедрении эффективных комплексных механизмов управления, адекватных вызовам информационной эры. Трагические события последних лет связываются специалистами с негативным воздействием информации на личность и свидетельствуют о социальном значении информационной безопасности каждого отдельного ребёнка. По данным отчёта Генеральной прокуратуры, за последние пять лет число киберпреступлений увеличилось более чем в 11 раз. В соответствии с данными Докладов о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка за 2021 г. и за 2022 г. число детских самоубийств в 2021 г. по сравнению с 2020 г. возросло на 37,4%, в 2022 г. число информационных материалов порнографического характера с участием несовершеннолетних возросло по сравнению с 2021 г. на 7 803, также по состоянию на 31.12.2022 г. из 542 млн профилей пользователей социальных сетей 5 406 645 являются деструктивными и проявляющими активность по направлениям: суицидальное поведение (338 434), скулшутинг (4 200), пропаганда наркотических средств (1 331 608), пропаганда нацизма (2 174 245). Однако согласно данным судебной статистики, средний размер штрафа за нарушение законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, за период с 2017 г. по 2021 г. в среднем составляет около 11 000 рублей, что более чем в 100 раз меньше санкции за нарушение правил охраны водных биологических ресурсов, незаконную организацию и проведение азартных игр или самовольную добычу янтаря (штраф 119000 рублей).

Опасность потокового принципа потребления информации продемонстрирована в период вынужденной самоизоляции. Непрерывное взаимодействие с медиасигналом, в том числе в целях, релевантных основной деятельности, – образованию, как показали исследования, ведёт к различным заболеваниям и психическим расстройствам у

школьников. Это указывает на необходимость учёта как качественного, так и количественного критерия информационной безопасности детей, интегративного подхода к оценке вероятности ущерба здоровью и развитию, разработка которого возможна исключительно в междисциплинарном ключе.

Свойственная современной науке и политической практике номенклатура угроз в информационной области продолжает фокусироваться на последствиях технологизации рисков. При этом собственно управленческое измерение информационной безопасности в социологической интерпретации рисков нуждается в комплексном видении путей её реализации. Своевременность исследований проблем информационной безопасности детства в контексте развития медиатехнологий и использование социологического инструментария объясняется возможностью анализа нормативности технологий (силы их соблазна), обеспечивающей комфортную причастность пользователя к «информационно-коммуникационному универсуму». Воспрепятствование углублению противоречия между реальностью социального контроля и «культурой реальной виртуальности» только административными средствами уже не представляется эффективным. Нейтрализация нормы и универсализация девиаций, вызываемая глобализацией информационных потоков и интенсификацией вариативности девиантного поведения, актуализирует проблему управления информационной безопасностью детей как способа защиты социального порядка от деградации.

Научный инструментарий социологии управления позволяет определить парадигмальные основы управления информационной безопасностью детства, объединяющие отраслевые методологические положения. Решение задачи разработки прикладных моделей реализации защиты детей от вредной информации следует стратегии развития российского общества и общемировым тенденциям в гуманитарных исследованиях глобальных информационных технологий.

Степень научной разработанности проблемы

Анализ степени разработанности проблемы позволяет выделить несколько научных направлений, представляющих ориентиры теоретического исследования. В соответствии с проблемным полем диссертационного исследования целесообразно выделить следующие направления, разрабатываемые в социологической науке и других социальных и гуманитарных отраслях знания: социология детства и молодежи; социальный порядок и процессы социализации; социология безопасности и риска; социальная защита детей; информационное общество; теории социального управления и социальные технологии в управлении. Многогранность феномена информационной безопасности детей обуславливает его мультидисциплинарный характер. Анализ методологических основ изучения всех факторов информационной безопасности ребёнка объясняет утверждение их единства и неразрывности.

Первые научные разработки в области информационной безопасности детей входят в орбиту психологической науки и исследований влияния информационных процессов на психологическое благополучие ребёнка. Зарубежные исследования посвящались оценке негативных эффектов воздействия СМИ на детей (Дж. Гербнер, Р.С. Дрбман, Дж. Кантор, В. Клайн, А. Мустонен и Л. Пулккинен, Р. Пацлаф, М. Томас, Л. Шанахан). Описание методологических основ психологии безопасности личности содержится в работах Ю.П. Зинченко, которым предложена модель информационной безопасности как открытой динамической системы деятельности личности, группы, организации. В рамках психологической науки изучается влияние информационно-коммуникационных технологий и сети Интернет на поведение детей и подростков, формирование зависимостей, проблема многозадачности и отвлечения внимания, проводится классификации угроз (А.Е. Войскунский, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова и Г.У. Солдатова); исследуется воздействие рекламной информации и виртуализации

реальности на психическое состояние человека (Е.Е. Пронина); анализируются психологические аспекты коммуникации и роль средств массовой информации в конструировании эмоциональных состояний, суггестивное воздействие медиа (Е.Л. Варганова, Я.Н. Засурский, Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеева и А.И. Подольский).

Второй блок исследований представлен нормативно-правовым направлением, включающим вопросы регулирования оборота информации и медиаиндустрии (В.Н. Лопатин), обеспечения права детей на благоприятную информационную среду и реализации детьми своих информационных свобод (Ю.Ф. Беспалов, О.Ю. Ситкова). Правоведами исследуются вопросы цензуры (С.А. Куликова, И.Е. Марцоха); гарантирования и ограничения информационных свобод, криминализации явлений информационного обмена (М.А. Боденкова, Н.В. Виноградова, А.В. Сулопаров); значение информационной безопасности в контексте национальной безопасности и информационной политики (А.В. Манойло); правовые основы саморегулирования медиаотрасли (О.И. Мамонтова, А.Г. Рихтер). Особый интерес представляют компаративные правовые исследования, посвящённые изучению зарубежного опыта защиты детей (Л.Л. Ефимова, А.А. Смирнов), а также анализ детско-родительских правоотношений, родительских обязанностей и деликтоспособности несовершеннолетних в области реализации информационных прав и свобод (А.В. Ключкова, О.В. Пристанская).

Третий сегмент представлен группой исследований, освещающих *социально-философские аспекты* проблемы информационной безопасности и сопряжённые с ними вопросы. Феномен информационной безопасности в научной области социально-философского дискурса осмысливается в общем ключе социальных трансформаций позднего модерна, новой структурированности мира и потребности в упорядочивании социальной жизни. В рамках структурно-функциональной теории общества осуществляется комплексное исследование влияния конвергентных процессов информатизации на общественное устройство (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс). Теории информационного общества описывают дисбаланс между гуманитарными и физическими технологиями, чрезмерность глобальных информационных процессов и ограниченность адаптивных ресурсов, необходимость условий для «онтологической безопасности» (З. Бауман, Д. Белл, Э. Гидденс, В.П. Коломиец, М. Маклюэн). Сетевая теория выявляет особый характер современных коммуникаций, устаревание прежних коммуникативных структур, деградацию иерархического устройства, неадекватного информационным потокам, ризоморфность организации современных коммуникаций, их темпоральную изменчивость, асинхронность и нелинейность, семантический и аксиологический плюрализм (А.Ю. Гиль, Ф. Гваттари, Ж. Делез, М. Кастельс, Л.А. Коробейникова).

Теории аномии раскрывают информационную природу социальных деформаций, кризиса нормативного регулирования, деградации социальной солидарности и личной идентичности, появления «нормальной» аномии как эффекта «ускорения и усложнения социокультурной динамики» (С.А. Кравченко) и информационного искажения (Р. Мертон, С. Месснер, Н.Н. Мещерякова, Р. Розенфельд, П. Штомпка). Интегральная девиантологическая теория Т.А. Хагурова указывает на перспективу деградации социальных практик в результате достижения девиациями критической массы. Нарастание и усиление девиаций (Н. Луман), их запредельность в результате интенсификации информационных потоков и вариативности коммуникации, все более быстрого устаревания информации ведут к информационной нестабильности общества и актуализируют информационную природу безопасности (Т.В. Владимирова).

Четвёртый сегмент исследований являет *экологический подход* к анализу проблем информационной безопасности детей и отталкивается от экологических

принципов изучения и использования специальных инструментов гигиенического нормирования. Оздоровление окружающей информационной среды открывает иную точку зрения на информационную безопасность. Логика экологической концептуализации информационной безопасности детей выражает междисциплинарный взгляд на благополучие. Теоретики «экологии средств коммуникации» описывают всестороннее влияние медиа на человека и общество, манипулятивную природу медиа и логики медиа, задают терминологическое значение «медиабезопасности» (Н. Постман).

Информационная экология исходит из факта существования пределов возможностей восприятия и обработки информационного сигнала. Данный факт опосредует проблему информационной перегрузки и навязанного коммуницирования, невостребованности информации и нового типа загрязнения, и требует применения мер гигиенического нормирования в соответствии с физиологическими принципами резистентности, реактивности, свойствами субъекта по операциям с информацией и психофизиологическими механизмами стресса (Л.И. Алешина, А.Л. Ерёмин, В.И. Игнатъев, С.Н. Касьянов, С.Ю. Федосеева). Проблема гиперстимуляции органов рецепции через несанкционированную эксплуатацию «двух каналов восприятия – аудио и видео» понимается исследователями как новая форма насилия (Д.А. Колесникова, В.В. Савчук), а принудительная активация эмоциональной сферы и вегетативной нервной системы рассматривается как результат агрессивного воздействия аудиоинформации (звука) на аудиторию (И.А. Баранова). Обосновывается невозможность произвольного управления процессом «эмоциональной обработки информации», порождающая информационный стресс (В.А. Бодров, В.А. Зибель, Г.С. Радченко, Дж.Ф. Тейер). С применением специального инструментария гигиенистики решаются вопросы шумовой загруженности, предпринимаются попытки вывести её коэффициент и проиндексировать тишину (О.О. Некипелова, М.Н. Некипелов и Т.И. Шишелова), обсуждается медицинская и социальная прагматика информационного шума, его особая рискогенность для детей. (М.В. Белоусова, А.М. Карпов, В.Р. Кучма, Д.Ф. Миронов, А.Д. Урсул и М.А. Уткузова).

Пятый сегмент исследований освещает *социолого-управленческий аспект* и подходы к обеспечению информационной безопасности. Описание феномена информационной безопасности и технологии её обеспечения предпринимается через призму рискологической концепции, в рамках которой анализируются сущность и динамика рисков и угроз, социальная природа опасностей, количественная оценка безопасности и калькуляция рисков, рисковое решение и поведение субъекта риска, способы минимизации рисков (У. Бек, М. Дуглас, О.С. Елфимова, Ю.А. Зубок, В.Н. Кузнецов, Ф.К. Мугулов, Е.А. Роза, О.Н. Яницкий). В.И. Зубков связывает социальность риска с масштабами его последствий и множественностью субъектов рискового поведения, что указывает на социальность риска вреда от информации. Утверждается, что управление безопасностью осуществимо через контроль за циркуляцией потоков, использование ресурсов для отражения угроз (М.В. Арсентьев). Представляет интерес предлагаемая теорией социальной защиты детей (В.А. Варывдин, З.П. Замараева, И.П. Клемантович, В.Н. Кулешова, Н.В. Лазуренко, Е.И. Холостова) аналитика, посвященная технологии обеспечения информационной безопасности детей. А.Г. Филипова подходит к классификации рисков по принципу ключевой фигуры рискового поведения и выделяет ситуации безопасности в зависимости от сочетания объема рисков и ресурсов, применимые и в отношении управления рисками причинения детям вреда от информации. Значение для предметного поля исследования имеют и теории гражданской активности в системе социального контроля (Г.Е. Зборовский, Е.А. Савельева, Ф. Тённис).

Вопросы технологического императива социальной действительности и динамики рисков исследуются в концепциях технодетерминизма, понимаемого как коренной фактор и эндогенная причина прогресса социальной системы, следующего за изменениями в технологии, как главная сила, привносящая «новую систему оценок» и трансформирующая «наше мировоззрение» (Д. Белл), «великий, ревущий двигатель перемен» (Э. Тоффлер). Идея принуждающего действия технологии связывается с её нормативностью, морально оправданного предписания использовать имеющуюся технологию как наиболее эффективную и как «рациональный выбор совершенства», исключающий отвержение технологии (Е.В. Ушаков).

При всей теоретической и эмпирической значимости имеющихся научных изысканий, как в социологии, так и в иных отраслях социогуманитарного знания, недостает исследований, направленных на научное осмысление и конкретизацию содержания процессов управления информационной безопасностью детей в социолого-управленческом контексте. Проблема реализации состояния защищённости детей в информационном пространстве требует целостного социологического изучения. Предмет диссертационного исследования нуждается в особом, отсутствующем сегодня, подходе, интегрирующем теоретические положения и технологические решения.

Объект исследования: информационная безопасность детей.

Предмет исследования: управление информационной безопасностью детей.

Цель: социолого-управленческая концептуализация проблемы реализации информационной безопасности детей в контексте интенсификации технологического развития информационно-коммуникативных процессов.

Задачи:

1. Проанализировать теоретико-методологические основания социологического изучения феномена управления информационной безопасностью детей и разработать авторский подход к определению и исследованию управления информационной безопасностью детей как теоретико-прикладного концепта.

2. Обосновать проблему технологической обусловленности социальных рисков причинения информацией вреда здоровью и развитию детей через выявление характера влияния информационно-коммуникативных технологий на факторы риска и возможности управления информационной безопасностью детей.

3. На основе социологического анализа практик регулирования в области информационной безопасности детей выявить управленческий потенциал и условия эффективной реализации функций социальных институтов для снижения выявленных социальных рисков.

4. Охарактеризовать значение институциональных практик управления информационной безопасностью детей на основе компаративного анализа зарубежных систем регулирования оборота информации, осуществляемого в целях защиты детей.

5. Исследовать рискогенность фонового медиапотребления для выделения и систематизации социальных рисков, связанных с форматом потребления информации, и определения параметров медиашумовой загруженности.

6. Разработать теоретическую модель управления информационной безопасностью детей в условиях развития медиатехнологий.

Теоретико-методологические основы исследования.

Ключевые положения, сформулированные в рамках общей теории социальных систем Т. Парсонса, и теоретические конструкции социального порядка и социального контроля Э. Дюркгейма использованы для выявления специфики феномена безопасности как состояния равновесия структуры социальной системы перед экзо- и эндогенными изменениями, обусловленными, в частности, социокультурной динамикой в направлении усиления аномии и нарушения социальной интеграции.

Сущность информационной безопасности интерпретирована посредством анализа сетевой теории М. Кастельса, объясняющей природу современных коммуникаций, теории медиакоммуникаций М. Маклюэна и концепции медиаэкологии Н. Постмана, описывающих роль технологического императива и медиадетерминизма в социальных коммуникациях.

Проблема управления информационной безопасностью рассматривается через призму рискологических концепций У. Бека и Э. Гидденса как воздействие на «индуцируемые модернизацией опасности» и реакция на эти опасности со стороны социальных институтов. Анализ системной теории риска Н. Лумана, описывающей зависимость возможностей управляющего субъекта идентифицировать (оценить и воспринять) риск («порога бедствия») от его «вовлеченности» в последствия риска, позволил применить уровневый подход к рисковому поведению и управленческому решению. Социологическая теория риска В.И. Зубкова использована нами при определении субъектов управления информационной безопасностью детей как «социальных институтов, имеющих функции социальных механизмов по оптимизации рисков» и влияющих на выбор субъектов, прогнозирующих возможные потери. Выводы О.Н. Яницкого о формировании «риск-солидарностей» как формы солидарности в результате рефлексии опасностей, а также его идеи относительно транспарентности и аккумуляции управленческих рисков позволили исследовать динамику управляющей системы.

При классификации рисков нами приняты положения теории «нормальной» аномии С.А. Кравченко, интегральной девиантологической теории Т.А. Хагурова, теории информационного стресса В.А. Бодрова, выводы А.Л. Ерёмкина в рамках информационной экологии и информационной гигиены. Теория информационной безопасности в условиях нарастания девиантности, разработанная Т.А. Владимировой, использована в обоснование значения интенсификации информационных потоков и вариативности коммуникации. Субъектный состав управляющей системы и анализ возможностей субъектов, управляющих информационной безопасностью детей, основан на теории институционализации социальной защиты детства А.Г. Филиповой и ресурсно-потенциальном подходе к системе социальной защиты населения З.П. Замираевой.

Нормативно-правовую основу исследования составили: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с 21 изменением, одобренным в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.); Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) г.; Конвенция ООН о правах ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) г.; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 г. № 45/112 «Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Руководящие принципы, принятые в Эр-Рияде)»; Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»; Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»; Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты»; Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»; Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»; Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации»; Указ

Президента РФ от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; Указ Президента РФ от 02.06.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.»; Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года»; Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 г. № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в РФ и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 02.12.2015 г. № 2471-р»; Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 29.08.2012 г. № 217 «Об утверждении порядка проведения экспертизы информационной продукции в целях обеспечения информационной безопасности детей»; Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 18.05.2022 г. № 92 «Об утверждении Порядка аккредитации экспертов и экспертных организаций на право проведения экспертизы информационной продукции».

Эмпирическая база исследования включает в себя:

Результаты исследовательских проектов, реализованных в период с 2019 г. по 2022 г. под руководством автора.

1. Исследование экспертной практики по оценке вреда от информационной продукции осуществлено с августа 2019 г. по декабрь 2019 г. Исследованы тексты всех экспертных заключений, выполненных аккредитованными Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) экспертами за период с 2013 г. по 2019 г. Использован метод контент-анализа. Всего охвачено 172 текста.

2. Анкетный опрос аккредитованных Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций экспертов осуществлен в январе 2021 г. (N=32). Генеральную совокупность экспертного опроса составили все аккредитованные на 14.01.2021 г. эксперты.

3. Исследование практики контроля за оборотом рекламной информации и оценки рекламы на предмет этичности, выявление критериев и порядка отнесения рекламной информации к неэтичной. Исследование осуществлено с марта 2019 г. по январь 2021 г. с помощью контент-анализа протоколов заседаний экспертных советов при территориальных подразделениях Федеральной антимонопольной службы, размещаемых на официальных сайтах. Исследованием охвачено 144 протокола заседаний экспертных советов за период с 2013 г. по январь 2021 г.

4. Исследование деятельности экспертных советов при территориальных подразделениях Федеральной антимонопольной службы (ФАС) осуществлено в декабре 2020 г. с помощью контент-анализа содержания официальных сайтов территориальных подразделений ФАС.

5. Опрос представителей гражданского общества о контроле над оборотом информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей (N=32) осуществлен в декабре 2020 г. В опросе приняли участие представители общественных организаций, являющиеся заказчиками экспертизы информационной продукции и отобранные на основе данных, размещенных на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

6. Исследование деятельности уполномоченных по правам ребёнка (УПР) в субъектах России по направлению обеспечения информационной безопасности детей осуществлено с декабря 2020 г. по июнь 2022 г. основе контент-анализа текстов ежегодных докладов уполномоченных во всех субъектах России, размещаемых на их официальных сайтах за период с 2019 г по 2021 г. Охвачено 152 текста.

7. Исследование практики применения юридической ответственности осуществлено с апреля по июль 2020 г. с помощью контент-анализа текстов судебных постановлений судов первой инстанции за период с 2017 г. по 2020 г. Охвачено 502 текста.

8. Анализ правоприменительной деятельности государственных органов в области контроля за соблюдением законодательства о защите детей от информации проведен с октября 2018 г. по апрель 2020 г. через реализацию правоприменительного эксперимента и контент-анализ полученных официальных документов. Охвачено 36 документов.

9. Исследование «Субъективная оценка медиазашумления» осуществлено путём опроса учащихся отделений среднего специального образования при высших учебных заведениях г. Нижнего Новгорода (N=32). Период опроса апрель–сентябрь 2021 г.

Использованы результаты Всемирного обзора ценностей (World Values Survey, WVS) 2017–2020 гг. Ассоциации по исследованию мировых ценностей (WVSA) <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>; результаты анализа мировой практики фильтрация контента в Интернете (2013) Фонда развития гражданского общества, представленного на сайте <http://civilfund.ru/research/3?ysclid=lq0s3bxncp454879418>.

Научная новизна диссертационного исследования

1. Предложено социологическое определение феномена управления информационной безопасностью детей как целенаправленного воздействия социальных институтов на факторы рискованного поведения для снижения вероятности вреда от информации в отношении здоровья и развития данной социальной общности. Специфика обозначенного управленческого воздействия обусловлена типом риска, определяющим требуемые управленческие ресурсы, статусом субъекта рискованного поведения, указывающим на уровень управленческого решения, функционалом социального института как субъекта управления. В основу авторской концепции исследования данного феномена заложены представления о субъект-объектной природе рискованного поведения и его факторах; типология рисков, включающая институциональные риски; уровневый принцип разработки и реализации управленческих решений.

2. Выявлены и проанализированы особенности влияния медиатехнологий на систему управления информационной безопасностью детей, которое заключается как в расширении зоны риска, так и в изменении управленческих ресурсов субъектов управления. Доказано, что эти особенности обусловлены безальтернативностью использования медиатехнологий, эмансипацией информационных потоков, темпоральным сокращением презентации и потребления информационного сигнала (контента), доступностью информации, доместикацией медиатехнологий, а также расширением технологических возможностей контроля, коммуникаций субъектов управления и агрегирования ими данных.

3. Предложен подход к оценке ресурсного потенциала субъектов управления информационной безопасностью детей на основе анализа функций указанных субъектов и характеристик их связи с субъектами рискованного поведения. В рамках данного подхода дисфункции социальных институтов рассмотрены как предпосылки институциональных рисков. Выявлены особенности ресурсов управленческих субъектов и факторов рискованного поведения. Разработана методология их социологического изучения на основе

анализа аргументации субъектов управления при принятии управленческого решения, оценки мотивации субъектов рискованного поведения и управленческих субъектов, выявления динамики и закономерностей развития субъектов управления.

4. Выявлены условия эффективности экспертной оценки вреда от информации, к которым относятся экономические основания экспертизы и контроль её качества. Определены поддающиеся эмпирическому анализу параметры оценки эффективности института экспертизы: экономическая и организационная доступность экспертизы; открытость результатов экспертизы для общественного контроля; квалификация экспертов; нормативные требования к кандидатам в эксперты; субъективная оценка экспертами своей деятельности; соотношение результатов экспертиз и типа заказчика; доля повторных экспертиз в общем числе экспертиз.

5. Доказано, что управленческий потенциал гражданского участия в управлении информационной безопасностью детей базируется на процессах солидаризации граждан в оценке рисков от информации, возможностях масштабирования внимания общественности к рискам и стимулирования управленческих решений на разных уровнях их принятия и реализации.

6. Выявлены универсальные компоненты мировых практик обеспечения информационной безопасности детей: содержательный (ценностный, мировоззренческий) и процедурный (технологии оценки информации и ограничения её оборота в целях защиты детей). Во взаимосвязи с данными компонентами выделены закономерности динамики востребованности ресурсов социальных институтов.

7. В социологическом исследовании рискогенности фонового медиапотребления выделены риски, связанные с форматом потребления медиасигнала, аудио- и аудиовизуальной информации в фоновом режиме. Определены три типа информационного медиазашумления: «Групповой», «Локационный», «Аддиктивный».

8. Предложена модель управления информационной безопасностью детей, включающая в себя основные элементы системы управления, взаимодействующие на основе уровневого принципа принятия и реализации управленческого решения, процессного подхода к коммуникации, выявленных факторов рискованного поведения и типах риска. Предлагаемая модель ориентирована на синхронизацию ресурсов субъектов управления с активизацией управленческого потенциала социальных институтов юридической ответственности, экспертизы и гражданского участия для оптимизации социальных рисков через согласование направленности и скорости управленческого воздействия. Цель реализации модели представлена в виде гармонизации динамики зоны риска и управленческих мер, в виде расширения пространства действия управленческого решения и круга социальных отношений, где может реализоваться рискованное поведение.

Положения, выносимые на защиту:

1. Феномен управления информационной безопасностью трактуется как действие социальных институтов, обладающих функцией минимизации рисков причинения информацией вреда здоровью и развитию детей как частного случая обеспечения социальной защищённости детей и оказывающих влияние на факторы рискованного поведения с целью снижения вероятности вреда от контента информации и формата её потребления через приложение институциональных ресурсов. Риск понимается как результат поведения субъектов на разных этапах информационно-коммуникативного процесса (создания, распространения, организации доступа и потребления информации), повышающий вероятность причинения вреда, связанного с низким качеством содержания информации и/или режима (формата) её потребления. Низкое качество содержания информации означает наличие вредного контента, а низкое качество

формата потребления информации – медиашумовую нагрузку, то есть фоновое и вынужденное потребление медиасигнала.

2. Методологические принципы построения теоретической концепции управления информационной безопасностью детей выводятся из рискологического, институционального и ресурсного подходов и представлены принципом учета поведенческой основы источника риска, альтернативности рискового поведения и вероятности угроз; принципом учета сигнальной и контентной природы информации, указывающим на два типа рисков (контентные и форматные); принципом психофизиологических универсалий развития, дифференцирующих меры безопасности в соответствии с возрастной периодизацией физиологического развития; принципом соответствия доминирующих функций субъектов управления задачам защиты детей от информации как частного случая социальной защиты детей; принципом обусловленности эффективности управленческого воздействия ресурсами социального института. Используемый понятийный аппарат включает следующие категории: субъект рискового поведения – лицо, принимающее решение, которое повышает вероятность причинения вреда здоровью и развитию детей; факторы рискового поведения – мотивы и условия их реализации; управленческое воздействие – меры, направленные на ослабление факторов рискового поведения; субъект управления – социальный институт, обладающий, в качестве основной, функцией по минимизации рисков, а именно, институт юридической ответственности, институт семьи, институт экспертизы, институт гражданской активности; мотив управленческого воздействия как заинтересованность субъекта управления в минимизации вероятности негативных последствий риска, которая зависит от вовлеченности субъекта в последствия риска; функции социальных институтов – задачи, средства и механизмы управления и контроля на разных уровнях принятия управленческого решения; дисфункции социальных институтов – нарушение функций, влекущее неэффективность управленческого воздействия и являющееся предпосылкой управленческих рисков; управленческий потенциал (ресурсность) субъекта управления как объем его ресурсов в отношении конкретного типа риска; ресурсоемкость риска как объем требуемых для его снижения ресурсов.

3. Развитие медиатехнологий выступает стимулом интенсификации процессов управления информационной безопасностью детей, поскольку одновременно содействует реализации рискового поведения и реализации функций социальными институтами как субъектами управления, увеличивая их ресурсы и обеспечивая новыми технологическими средствами контроля, внутренних и внешних коммуникаций, сбора и аккумуляции данных. Технологизация рисков заключается в возможностях сверхбыстрого, легкого и эффективного создания, распространения, доставки и потребления информации, а также в нормативности и безальтернативности использования медиатехнологий, в усилении вариативности поведения.

4. Реализация функций субъектов управления и их управленческий потенциал в отношении конкретного риска зависят от уровня принятия управленческого решения, типа риска, степени их институционализации (вариативности действий), особенностей социально-правовой связи с субъектом рискового поведения, этапа коммуникативной цепи, на котором проявляется рисковое поведение. Среди источников дисфункций социальных институтов, субъектов управления, выделяются слабый консенсус в отношении социального значения рисков и критериев вреда от информации, уязвимости порядка преемства ответственности за рисковое поведение и недостатки организации контроля качества управленческих решений, преобладание экстенсивной стратегии минимизации рисков над интенсивной, технологически обусловленная эмансипация информационных потоков. Дисфункции социального института являются предпосылками управленческих рисков. Мотивы рискового поведения и условия их

реализации различны на каждом этапе коммуникативной цепи, на котором реализуется рисковое поведение, а мотивы субъектов управления дифференцированы уровнем принятия управленческого решения (уровнем доктринального и концептуального обоснования информационной безопасности, уровнем оборота информации, уровнем доступа к информации, уровнем потребления информации). Мотивы потребителя информации одновременно выступают условием реализации мотивов субъектов рискового поведения.

5. К ресурсам института юридической ответственности относятся монополия на применение правовой санкции, обязательность исполнения управленческих решений всеми субъектами и структурная устойчивость, а к институциональным рискам – лабильность мотивов представителей института, неточность идентификации субъекта рискового поведения и фиксации риска, несовпадение морфологии сетевого пространства распространения информации и механизма действия правовой санкции, пределы нормативизации критериев вреда от информации.

6. Ресурсы института экспертизы заключаются в особых компетенциях по профессиональной диагностике риска, вероятности и степени вреда, по анализу критериев вреда, выходящих за пределы нормативной параметризации. Реализация функций института экспертизы определяется востребованностью научного обоснования вреда и применением управленческих мер другими субъектами управления. Дисфункции института экспертизы обусловлены дефектами порядка организации экспертной практики, исключающими контроль её качества и создающими условия для искажения мотивации экспертов и нарушения принципов независимости и объективности выводов экспертизы. Объединение порядков экспертизы рекламы и экспертизы информационной продукции в один обосновывается необходимостью интеграции институциональных ресурсов.

7. Управленческий потенциал института гражданской активности заключается в возможностях мониторинга, сбора и обработки общественного мнения в целях конкретизации критериев вреда, выявления и формирования социального консенсуса в отношении них и в отношении технологий оценки вреда, а также в целях социального масштабирования внимания к проблемам информационной безопасности детей. К институциональным ресурсам гражданской активности относятся гибкость организации, оперативность реакции, высокая востребованность технологических возможностей коммуницирования и интеграции форм активности, устойчивость мотивов представителей института перед деформацией, а к институциональным рискам – слабость экономической основы деятельности, организационная разобщенность, снижающая качество внешнего и внутреннего контроля.

8. Содержательный (ценностный, мировоззренческий) и процедурный (технологии оценки и ограничения оборота информации) компоненты систем защиты детей от рисков, связанных с информацией, являются универсальными для мировых практик. Параметрами этих компонентов являются: наличие специального законодательства по защите детей от вредного контента; четкость правового формулирования дефиниций вредного контента и их ассортимент; диапазон чувствительных тем (уязвимостей, «болевых точек») в публичных дискуссиях; признание неотчуждаемости права на свободный доступ к информации; степень консенсусности в отношении возможности ограничения информационных свобод в интересах детей. Особенности сочетания этих параметров и степень приверженности населения к культурно-ценностным универсалиям дают основания для уровневого распределения мировых систем обеспечения информационной безопасности детей. Каждый из четырех уровней предполагает разную востребованность ресурсного потенциала социальных институтов и его разные пропорции в технологиях минимизации

рисков от информации. Выявлено, что снижение приверженности населения к ценностным ориентирам влечет снижение востребованности ресурсов социальных институтов в соответствии со степенью их институционализации в следующей последовательности: ресурсы института семьи, ресурсы института гражданской активности, ресурсы института экспертизы, ресурсы института юридической ответственности.

9. Риски вреда от информации в соответствии с природой информации, сочетающей содержательный и сигнальный компоненты, делятся на два типа: контентные и форматные. Форматные (сигнальные) риски представляют собой вероятность вреда, связанного с фоновым режимом потребления медиасигнала, и имеют отношение к понятию шумовой нагрузки. Медиа шум определяется как фактор среды, при котором медиасигнал потребляется в фоновом режиме (режиме «заднего плана» для основной деятельности), а устройства воспроизведения медиасигнала неподконтрольны воспринимающему субъекту, принуждают его сенсорные системы к реакции и к восприятию сигнала, автоматически мобилизуя энергетические системы организма, чем способствуют развитию информационного (эмоционального) стресса. Основными показателями медиа шума выступают вынужденность потребления медиасигнала (принуждающий характер) и эскортирующая реализация (воспроизведение) сигнала, то есть сопутствование основной (релевантной) деятельности. Параметры медиазашумления позволяют вычислить индивидуальный уровень медиазашумленности и определить его средние и пороговые значения, выделить типы медиазашумления. Медиазашумленность, насыщенность жизненного пространства медиа шумом связана с социальным портретом, частотой и продолжительностью пребывания в локациях фоновой работы транслирующих устройств и стратегиями самостоятельного инициирования медиа шума. Существуют общие ситуации, характеризующиеся наибольшим медиазашумлением. Содержание основной деятельности («переднего плана») и принуждающей субстанции определили типы медиазашумления: «Групповой», «Локационный», «Аддиктивный». Типы медиазашумления предполагают разные управленческие стратегии и востребуют ресурсы различных субъектов управления в зависимости от характера связи с субъектом рискованного поведения. Технологизация рисков медиазашумления заключается в стремительном упрощении способов и средств публикации медиасигнала в любой социальной ситуации и любым пользователем без учета возрастных особенностей, а также в доместикации медиатехнологий, содействующих формированию паттерна фонового медиапотребления.

10. Интегральная ресурсно-векторная модель управления информационной безопасностью детей представляет механизм реализации защиты детей от рисков взаимодействия с информацией через активацию и синхронизацию ресурсов управляющей системы. Ресурсность и векторность являются метафакторами эффективности управления информационной безопасностью детей, где векторность характеризует направление управленческого воздействия, а ресурсность – требуемые для снижения риска управленческие меры и субъект управления, обладающий необходимыми ресурсами. Механизм работы модели заключается в повышении уровня принятия и реализации управленческого решения через формулирование риска (обеспечение «оптики риска») для вышестоящего уровня в целях расширения пространства действия управленческой меры и круга социальных отношений, где может реализоваться рискованное поведение, увеличения поля управленческого воздействия, охвата управленческим решением большего числа детей, потенциально подверженных данному риску. Модель основана на конвергенции основных элементов системы управления, факторов рискованного поведения, представлений об уровнях принятия и

реализации управленческого решения, этапах коммуникативной цепи, ограниченности управленческих ресурсов, а также о векторности управленческого действия как направленности на актуальную тенденцию зоны риска. Модель учитывает нормативные дефиниции информационной безопасности детей, принципы правового универсализма системы национальной безопасности и системы защиты детей и профилактики их безнадзорности, предусматривает субъектный состав, определяемый на основе национальных стратегических документов.

Теоретическая значимость исследования заключается в концептуализации проблемы управления информационной безопасностью детей на современном этапе технологического прогресса; в описании двусоставной природы вреда от информации и введении в научный оборот концепции медиашума и медиазашумления; в моделировании процессов обеспечения состояния защищённости детей от вредной информации. Исследование может представить теоретико-методологическое основание для развития отраслей научного знания, затрагивающих вопросы информационной безопасности, стать базой для дальнейших исследований рисков, опосредованных развитием информационной среды.

Практическая значимость исследования

Результаты исследования могут быть использованы для анализа и модернизации политики обеспечения информационной безопасности детей, реализуемой на различных уровнях управления социальными взаимодействиями, приоритизации направлений обеспечения национальной безопасности, могут применяться в таких курсах как «Социология управления», «Социология коммуникаций», «Социологический анализ проблем государственного управления», послужить базой для разработки спецкурсов «Информационная и национальная безопасность», «Глобальные проблемы современности» и иных курсов, посвященных современному обществу и проблемам его безопасности, а также программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

Полученные результаты могут быть применены при разработке стратегий и концепций информационной безопасности детей как на федеральном, так и на региональном уровне, послужить в качестве методических рекомендаций для совершенствования порядка экспертизы информационной продукции и рекламы, законодательства в области защиты детей, модернизации системы социальной защиты детей и деятельности структур гражданской активности различного уровня.

Соответствие темы диссертации паспорту специальностей

Область, тема и результаты исследования соответствуют требованиям паспорта специальностей научных работников ВАК Минобрнауки РФ специальности 5.4.7. – Социология управления: 1. Развитие понятийно-категориального аппарата социологии управления применительно к изменяющимся объектам управления, 3. Проблемы взаимодействия субъектов и объектов управления, 4. Принципы и методы управления в современных условиях, 11. Особенности регулирования нелинейных социальных процессов. Управление в условиях неопределённости, 13. Типологические модели управленческого процесса: признаки, характер управленческих отношений, стили руководства, 14. Проблемы критериев и оценки эффективности управленческой деятельности, Социальный мониторинг, 17. Проблема мотивации и формы участия граждан в управлении, 23. Социологическая методология исследования управленческих процессов и структур.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается адекватным подбором теоретико-методологической основы исследования; корректностью методов сбора информации, обоснованием репрезентативности данных; выбором релевантных способов анализа и обработки информации; сочетанием

качественных и количественных методов социологического исследования; воспроизводимостью эмпирических результатов.

Апробация работы. Основные положения диссертации прошли апробацию на 31 международной и всероссийской конференции: «Пробелы в российском законодательстве», *Чебоксары, 2015*; International Conference «100 years since the Russian Revolutions», *Испания, 2017*; «Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия», *Нижний Новгород, 2017*; «Медиа и власть: власть медиа?», *Казань, 2018*; «Современное телевидение: между национальным и глобальным-2018», *Казань, 2018*; «MEDIAОбразование», *Челябинск, 2018*; «Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью», *Нижний Новгород, 2018*; «Шаг в будущее: Искусственный интеллект и цифровая экономика», *Москва, 2018*; Granaslavic 2019: V International Conference «Andalusian Slavic Studies Workdays», *Испания, 2019*; «Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия», *Москва, 2019*; «Здоровье как ресурс: V.2.0.», *Нижний Новгород, 2019*; «Transculturality in Eastern and Western Contexts», *Германия, 2019*; II International Research Conference «Giftedness: Conditions and Factors», *Черногория, 2020*; «Диалог культур востока и запада через призму единства и многообразия в преемственности и модернизации общественного сознания: древний мир, средневековье, новое и новейшее время», *Казахстан, 2020*; IV International Scientific Conference «Heydar Aliyev: the ideology of multiculturalism and tolerance», *Азербайджан, 2021*; «El'Manuscript 2021 Textual heritage and information technologies», *Германия, 2021*; «Language and literature in the multicultural space: problems, ideas, development trends», *Узбекистан, 2021*; XII International Scientific Conference «Psycho-pedagogical problems of a personality and social interaction», *Чехия, 2021*; V Международная конференция «Казанские социологические чтения», *Казань, 2022*; «Российская девиантологическая панорама: теория и практика», *Санкт-Петербург, 2022*; «Социальная реальность виртуального пространства», *Иркутск, 2022*; «MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы», *Челябинск, 2022*; «Конфликт идеологий: философские, социально-политические и культурно-исторические аспекты», *Самара, 2022*; «Социальная безопасность и защита интересов семьи в условиях новой общественной реальности», *Пермь, 2022*; «Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью», *Челябинск, 2022*; «Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия», *Москва, 2023*; «Современные проблемы славянской филологии: форма и смысл. к 130-летию со дня рождения В. Шкловского», *Тайвань, 2023*; «Социальная реальность виртуального пространства», *Иркутск, 2023*; «Философские и методологические проблемы исследования российского общества», *Москва, 2023*; «Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства», *Челябинск, 2023*; «Социальные коммуникации: философские, политические, религиозные, культурно-исторические измерения», *Кемерово, 2023*.

Результаты диссертационного исследования отражены в 72 публикациях (личный вклад автора 38,5 п.л.), в том числе 18 статей, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ, включая публикации в изданиях, индексируемых в базах данных Scopus и Web of Science.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, 4 глав, включающих 11 параграфов, заключения, списка литературы и 5 приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, рассматривается степень её научной разработанности, формулируются объект и предмет, цель и задачи исследования, гипотеза исследования, описывается теоретико-методологическое и эмпирическое основание исследования, научная новизна, основные положения, выносимые на защиту, конкретизируется теоретическая и практическая значимость, излагается апробация результатов.

В первой главе **«Информационная безопасность детей: теоретико-методологические основания»** определяются теоретико-методологические основания диссертационного исследования, описываются и анализируются подходы к феномену безопасности, информационной безопасности и информационной безопасности детей. Выявляется значение связанных с ними категорий. Раскрывается сущность социолого-управленческого подхода к пониманию информационной безопасности детей.

В первом параграфе первой главы **«Информационная безопасность детства как объект научного анализа»** рассматривается феномен безопасности в целом и информационной безопасности детей в частности, анализируются подходы к пониманию детства, периодизации возрастного развития и дифференциации вреда от информации. Постулируется значение объективности физиологических универсалий, присущих всем детям определённого возраста. Утверждается значение социально-регуляционных детерминант рисков развития детей. Продуктивным для определения места информационной безопасности детей в системе социологического знания признается подход, основанный на традиционном понимании детства и концепции социального порядка, а также на понимании социализации как средства его установления и поддержания. Универсальный характер возрастной дифференциации последствий взаимодействия человека с информацией и возможных угроз, связанных с потреблением информации, обосновывает научную категоризацию проблемы информационной безопасности детской группы. Опираясь на позицию Т. Парсонса относительно общих критериев безопасности, формулируется понимание критериев оценки информационной безопасности детей, раскрывающееся через определение и характеристику угроз от информации в отношении здоровья и развития ребенка, которые проявляют себя в этапах информационно-коммуникативного акта, а именно при создании, распространении, доступе и потреблении информации.

Прикладное значение обеспечения информационной безопасности, то есть деятельности субъектов, уполномоченных реализовывать меры защиты, раскрывается в теориях социальной защиты населения и детства, описывающих институциональные аспекты обеспечения защиты детей от информации как частного случая практики поддержания безопасной социальной среды. Создание и поддержание состояния защищённости детей от вредной информации выступает одним из направлений государственного гарантирования.

Во втором параграфе первой главы **«Подходы к анализу управления информационной безопасностью детей»** раскрываются социологические аспекты управления безопасностью через устоявшиеся категории социального порядка и социального контроля, концепции аномии и девиации в информационном и сетевом обществе. Концептуализация управления информационной безопасностью детей основывается на представлении о безопасности как защищенности от угроз и патогенных изменений и на понимании воздействия на такие риски. В связи с этим интерпретация управления информационной безопасностью детей базируется на рискологическом направлении в социологии и субъектном подходе к риску как «целенаправленному поведению субъекта в условиях неопределенности результата этого поведения» (В.И.

Зубков). Поведение субъекта (субъекта риска) опосредовано отношением к рискованному поведению. Субъект управления риском может как совпадать, так и не совпадать с субъектом риска, то есть лицом, совершающим выбор. Рисковое поведение внешне выражено в виде действия или бездействия. Под управлением безопасностью следует понимать управление рисками, в данном случае управление рисками от информации, то есть целенаправленное воздействие на факторы рискованного поведения. Утверждается существование субъективных и объективных факторов рискованного поведения. К объективным отнесены средовые характеристики в виде глобальных модификаций информационно-коммуникативных систем (технологизации), а к субъективным – мотивы рискованного поведения.

На основе понимания природы информации выделяются два типа рисков: контентные и форматные (сигнальные). Контентные риски связаны с качеством смыслового содержания, то есть таким содержанием информации, которое демонстрирует (описывает, изображает) девиации, а форматные риски – с режимом взаимодействия с информационным сигналом (потреблением), с объемом и концентрацией потребляемой информации. Форматные риски представляют собой вероятность вреда, происходящего от режима (формата) потребления информационного сигнала, и основывается на представлении о существовании пределов безопасной эксплуатации каналов восприятия, превышение которых, например по скорости или семантической концентрации, влечет негативные психологические состояния. Автором формулируется данный тип рисков как риски медиашумления, то есть насыщенности жизненного пространства медиашумом – таким состоянием среды, при котором сигналы, «актуализированные и поддерживаемые при помощи техники» поступают в фоновом режиме, неподконтрольном воспринимающему субъекту, принуждают его сенсорные системы к реакции и к взаимодействию, автоматически мобилизуя энергетические системы организма, чем способствуют развитию информационного (эмоционального) стресса. Медиашум имеет место при особом формате потребления информации – фоновом, когда работа медиа выступает в качестве заднего плана, фона для другой деятельности, а восприятие семантически насыщенного информационного сигнала не является целевым и часто не осознаваемо. Отмечается особая актуальность форматных рисков в отношении детей. Управление контентными рисками означает воздействие на качество содержания информации и (или) её доступность. Управление форматными (сигнальными) рисками предполагает нормирование режима потребления информации по временным и пространственным характеристикам.

Отталкиваясь от понимания сущности социальной защиты детства, формулируется представление о субъектах управления информационной безопасностью как агентах обеспечения социальной защищенности, «социальных институтах, имеющих функции социальных механизмов по оптимизации рисков» (В.И. Зубков). В качестве таких агентов принимаются те социальные институты, для которых функция «оптимизации риска» получения вреда от информации, является одной из основных. Это такие интегральные институты, как: институт юридической ответственности (включающий государственное регулирование информационной сферы), институт гражданской активности (общественного контроля), институт семьи как важнейший из институтов социализации детей, а также вспомогательный институт, реализующий функции оценки и диагностики рисков, институт экспертизы. Риск причинения информацией вреда здоровью и развитию детей является социальным риском, поскольку проявляется в действиях множества социальных субъектов и его последствия распространяются на всё общество, поэтому основным гарантом информационной безопасности детей выступает государство. Обнаруживается сложность балансирования между публичным интересом в защите детей от рисков и частным интересом в

информационной свободе. Методологическая ценность институциональной парадигмы заключаются в возможностях оценки функции и дисфункций социальных институтов в качестве предпосылок институциональных рисков и институциональных ресурсов как показателей эффективности субъектов управления. Теоретико-методологической основой концептуализации управления информационной безопасностью детей явилась интеграция рискологического, институционального и ресурсного подходов.

В третьем параграфе первой главы «**Технологическая детерминация рисков от информации**» выявляются сущностные особенности технологической предопределенности рисков от информации через анализ подходов к пониманию феноменов информации и медиа, теорий информационной и технологической модернизации социальных структур и социальных процессов в контексте вероятности вреда в отношении здоровья и развития детей. Информационная безопасность как подвид безопасности проблематизируется в контексте информационных угроз, динамики трансформаций информационного пространства и интенсификации информационных потоков. На основе анализа положений теорий технологического детерминизма и идей медиадетерминизма формулируется проблематика технологического императива динамики рисков от информации, «нормативности» технологии, её принудительной силы, заключающейся в логической необходимости внедрения более эффективного способа действия, рационального выбора совершенства, в невозможности «пренебречь существованием данной технологии» (Е.В. Ушаков). Отмечается, что развитие сетевых технологий детерминирует динамику как форматных, так и контентных рисков, во-первых, увеличивая возможности и скорость демонстрации девиантного поведения и генерации индивидуального девиантного поведения в групповое и обратно (инфицирование группового опыта индивидуальным девиантным опытом), а во-вторых, усиливая интенсивность и уплотнение информационных потоков, то есть медиазашумление. Через анализ девиантологических теорий определяются особенности девиантации детской группы, связанные с физиологически обусловленной восприимчивостью детей к деструктивному подражанию, объективной недостаточностью культурного опыта и социальной компетентности по интерпретации и расшифровке социального контекста, несформированностью личных убеждений в качестве препятствий усвоению девиации, слабостью действия ролевых ожиданий. Технологизация рисков от информации заключается в усилении вариативности коммуникаций и обеспечении возможностей комфортного создания, распространения, доступности и потребления «девиантного» контента, демонстрации экономически опосредованного социального одобрения девиации со стороны потребителя и виртуальной социальной группы, в эффекте «комфортабельной аномии» (Т.В. Владимирова), связанной с анонимным характером коммуникативного акта и недостижимостью для мер государственного принуждения, в совершенствовании способов виртуального симулирования действительности, способствующего вовлечённости детей в сетевое пространство.

На основе построения и описания гиперсетевой модели медиакommunikаций автором демонстрируется влияние интенсивного развития медиатехнологий на риски вреда от информации. Гиперсетевые свойства рисков заключаются в приближении скорости формулирования идеи (рождения контента) к скорости его трансляции и ретрансляции и опосредуют морфологию новых рисков, требующую применения новых мер контроля и управления. Отмечается, что технологическая эволюция процессов медиакommunikаций, интенсификация информационных потоков порождает расширение зоны как контентных, так и форматных рисков и обуславливает необходимость наращивания ресурсности субъектов управления. Выявление ресурсов институтов – субъектов управления, соответствующих технологически

детерминированной динамике рисков, а также исследование изменения их функций и появления дисфункций выступает задачей эмпирического анализа.

Вторая глава **«Институциональные практики управления информационной безопасностью детей»** посвящена исследованию опыта субъектов управления, в укрупненном виде представляемых институтом юридической ответственности, конкретизирующим и воплощающим ресурсы государственного управления и социальной защиты детей, институтом экспертизы и институтом гражданской активности. Анализ практик социальных институтов, имеющих функции минимизации рисков вреда от информации для здоровья и развития детей, позволил определить факторы ресурсности субъектов управления и выявить их потенциал на каждом уровне принятия управленческого решения.

В первом параграфе второй главы **«Институт юридической ответственности в системе управления информационной безопасностью детей»** с социологических позиций исследуется правоприменительная деятельность и судебная практика в области обеспечения защиты детей от вредной информации, являющие действительную, а не декларируемую позицию публичной власти относительно вопросов обеспечения информационной безопасности детей. Анализ правоприменительных механизмов был осуществлён на основе обзора статистической отчётности государственных органов, наделённых контрольно-надзорными функциями, судебной практики, а также результатов правореализационных экспериментов, организованных через обращения в органы власти по поводу нарушений требований законодательства о защите детей при распространении отдельных видов информационной продукции.

Обзор судебной практики, связанной с нарушениями требований законодательства о защите детей, осуществлен на основе судебных постановлений. Посредством контент-анализа были выделены аргументы правоприменителей при иницировании судебных разбирательств. Определена статистика по видам вредного контента, динамика их распространённости по годам, мотивы распространителя информации (мотивы предложения) и мотивы потребителя информации (мотивы спроса). Мотивы распространителя были распределены по группам: 1) коммерческий интерес (прибыль); 2) политический мотив; 3) мотив самовыражения (самопрезентация, самоактуализация). Определено, что коммерческий мотив занимает доминирующее положение. Мотивы потребителя соответствуют спросу на контент и являют собою либо спрос на товар (услугу), основанный на готовности их приобрести, либо спрос на сам контент, опосредованный девиантными медийными потребностями и потребностями в самовыражении. Исследование позволило выделить укрупнённые группы и подгруппы вредного контента в целях анализа динамики их распространения по годам.

Определено, что ресурсность института юридической ответственности как субъекта управления информационной безопасностью детей зависит от социальных представлений о норме и девиации и их воплощения на уровне доктринального и концептуального обоснования, а также применения санкции на этапе распространения информации. Снижение ресурсности данного института детерминируется несовпадением морфологии сетевого пространства распространения информации с механизмом действия санкции (пределами правового регулирования), необходимостью балансирования между защитой (и гарантированием) двух благ – здоровья детей и информационной свободы, а также лабильностью мотивов представителей института.

Во втором параграфе второй главы **«Практика института экспертизы информационной продукции и рекламы»** исследуется опыт экспертной оценки информационной продукции на предмет безопасности для детей в рамках специально учреждённого законодателем института и экспертизы содержания рекламы,

осуществляемой на базе территориальных управлений Федеральной антимонопольной службы РФ.

Ресурсы экспертизы как субъекта управления информационной безопасностью детей заключаются в профессиональной оценке содержания информационной продукции, в том числе коннотационных смыслов, образов, описаний, недоступных для систем автоматической фильтрации. Специфика полномочий экспертов выражена в возможности интерпретации «пластичных» параметров вреда от информации, в том числе коннотаций. Сложность оценки коннотации обусловлена пределами юридической параметризации вреда от информации, объективной невозможностью охватить все возможные параметры вредного воздействия. Отмечается, что организация экспертизы информационной продукции, предусматривающая договорную экономическую основу, и слабо выраженный механизм предварительного и последующего контроля качества результатов экспертизы создают возможность злоупотребления полномочиями в угоду инвестору экспертизы (заказчику) и нарушения принципов объективности и независимости.

Исследование текстов всех экспертных заключений, выполненных аккредитованными Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) экспертами за период с 2013 г. по 2019 г. позволило охарактеризовать востребованность экспертизы у разных типов заказчиков и сделать вывод о значении данного института, а также выявить наиболее распространённые ошибки как формального, так и содержательного характера. Экспертный опрос, проведённый среди аккредитованных на проведение данной экспертизы лиц, раскрыл факторы гетерогенности экспертного сообщества: отношение к внешнему контролю и экономическому основанию экспертизы, а также проблему совпадения вывода эксперта с мнением заказчика. Указывается, что коллизии дизайна этого типа экспертизы, явлены в ошибочности правил финансирования экспертных мероприятий, противоречащих социальности риска здоровью и развитию детей, в отсутствии механизмов контроля качества экспертизы и в целом имитации научной доброкачественности её выводов.

Анализ практики экспертной оценки рекламной продукции осуществлено автором через исследование опыта антимонопольного органа (ФАС) по оценке рекламы на предмет её этичности, применяемых критериев и порядка отнесения конкретной рекламной информации к ненадлежащей, а также состава участников экспертных советов и правил формирования и функционирования советов. Одной из целей исследования явилось определение универсальных критериев вреда от рекламы на основе аргументации членов экспертных советов. Отмечается повышенная рискогенность рекламы в отношении здоровья и развития детей по сравнению с информационной продукцией в связи с манипулятивной заданностью и директивной функцией рекламы, нацеленности на охват большей аудитории за счёт формы распространения в условиях открытости публичного пространства, использования обценных выражений и образов, высокой экспрессивностью и эмотивностью, «аперцептивностью» и стереотипичность восприятия «устоявшихся словесных конструкций», двусмысленностью коннотации и метафоричностью, требующих раскодирования обценного смысла. Исследование позволило сформулировать общие проблемы практики оценки вреда от рекламы, отличия порядка экспертной оценки рекламы от экспертизы информационной продукции, повышающие и снижающие ресурсность.

Ресурсность института экспертизы в целом заключается в востребованности научного обоснования вреда для применения юридической санкции на уровне создания, распространения и доступа к информации. Особенность ресурсного потенциала

института экспертизы проявляется в наличии особых компетенций по диагностике риска, оценке вероятности вреда и доступности для заимствования (трансфера) ресурсов другими субъектами управления. Поэтому ресурсность института экспертизы прямо пропорциональна значению научной диагностики вреда от информации и его вероятности (риска), а также правильности порядка организации (институционализации) экспертизы с учетом социального значения рисков вреда от информации.

В третьем параграфе второй главы «**Институт гражданской активности в сфере обеспечения информационной безопасности детей**» раскрывается роль и значение структур гражданской активности в системе обеспечения информационной безопасности детей. В результате опроса представителей различных форм гражданской активности выявлено отношение к проблеме обеспечения информационной безопасности детей, особенности и сложности взаимодействия с государственными органами, частота и результативность обращения за экспертизой. В опросе приняли участия 103 представителя общественных организаций. Отмечается, что экономическая недоступность экспертизы для структур гражданской активности определяет дисбаланс спроса и предложений экспертных услуг, неэластичность спроса на них. Выявлена тенденция интеграции сил гражданской активности, способствующая увеличению управленческого потенциала данного института и обеспечиваемая развитием технологий коммуникации.

Уникальность института Уполномоченного по правам ребёнка утверждается в связи с его комбинированной статусностью, объединяющей признаки субъектов формального и неформального контроля. Проведён комплексный качественно-количественный анализ текстов ежегодных докладов региональных уполномоченных по правам ребёнка. Обнаружена взаимосвязь востребованности УПР населением и числом отклоненных органами власти обращений. Выявлен потенциал УПР как субъекта управления информационной безопасностью, проявляющийся, прежде всего, в экономических возможностях организации профессиональной (экспертной) оценки информационной продукции и возможностях формулирования на основе анализа обращений граждан, выводов и предложений органам власти.

Особенности управленческих ресурсов института гражданской активности в системе реализации информационной безопасности детей заключаются в широких возможностях сбора и анализа социологической информации, требующихся для уточнения предметного содержания критериев вреда от информации, в возможностях масштабного мониторинга соблюдения требований информационной безопасности детей, проблематизации новых феноменов информационного пространства и артикуляции угроз и рисков, а также в оперативности реакции и гибкости организации, отсутствии строгой структурности и бюрократической подчиненности. Фактором, повышающим ресурсный потенциал гражданской активности выступает альтруистичность мотивов и низкая вероятность пороков мотивации участников. Институциональные риски данного института представлены слабостью экономической основы гражданского активизма, а также объективной организационной разобщенностью форм активности, разнородностью профессиональных компетенций.

В четвертом параграфе второй главы «**Межстрановый анализ систем регулирования оборота информации в целях защиты детей**» осуществлен анализ универсальных параметров систем управления информационной безопасностью детства в разных национальных системах и их динамики на основе компаративного анализа имеющихся моделей регулирования медиаиндустрии, систем фильтрации контента. Исследование сосредоточено на выявлении компонентов парадигмальных подходов к вредоносной для детей информации. Параметры сформулированных автором укрупнённых стандартизированных моделей были сопоставлены с результатами

масштабного интернационального исследования Всеобщего обзора ценностей (World Values Survey, WVS). Выявлено, что значимость религиозных (традиционных) ценностей среди населения стран, может быть положена в основание градации систем регулирования медиаиндустрии в целях защиты детей. Определены параметры такой градации. Динамика ценностных ориентаций в направлении Либерализации или Традиционализма сказывается на изменении компонентов сущностной и процедурной составляющих модели управления информационной безопасностью, то есть формулировании критериев вреда и технологий его оценки, а также на пропорцию техник фильтрации контента на основе саморегулирования, государственного или общественного контроля. Вынесено предположение, что движение в сторону либерализации сужает ассортимент законодательно устанавливаемых критериев вредной информации, предельно детализирует и конкретизирует их правовые дефиниции во избежание расширительного толкования, лимитирует спектр процедур регулирования, в крайних формах до одного – саморегулирования, и в целом ведёт к «растворению» плотного фильтра (density-фильтра) и появлению прозрачного (loose-фильтра). Отмечается, что социальный консенсус в отношении приемлемой плотности контентного фильтра достижим через интеграцию ресурсов всех субъектов его реализации как для формулирования и принятия критериев вреда, так и для разработки технологии оценки вреда и правовых последствий этой оценки.

Полученные результаты указывают на существование универсальных параметров информационной безопасности детства в национальных системах с различным уровнем приверженности традиционным ценностям, а именно: наличие специального законодательства по защите детей от вредного контента, четкость правового формулирования дефиниций вредного контента и их ассортимент, диапазон чувствительных тем (уязвимостей, «болевых точек») в публичных дискуссиях, интерпретация права на доступ к информации, степень консенсусности в отношении возможности ограничения информационных свобод в публичных интересах. Описание моделей обеспечения защиты детей от вредной информации сводится к обзору сущностной и процедурной их составляющих: мировоззренческих оснований критериев вреда и технологий оценки этих критериев. При этом и процедурный (технологический), и мировоззренческий аспект зависит от ценностно-мировоззренческих оснований. Разнообразные сочетания свойств эти двух составляющих позволили типологизировать системы обеспечения информационной безопасности детей.

В третьей главе *«Риски фонового медиапотребления»* исследуются риски, связанные с форматом потребления информационного сигнала, обосновывается феномен медиашума и медиазашумления.

Первый параграф третьей главы *«Риски потребления медиасигнала в фоновом режиме (риски медиазашумления)»* посвящён описанию медиашума как теоретико-методологической основы управления форматными рисками в отношении здоровья и развития детей, рисками, связанными с превышением пределов безопасной эксплуатации каналов восприятия медиасигналов в ситуации насыщения жизненного пространства ребёнка непрерывными потоками аудиовизуальной информации. Исследуются возможности нормирования количественных параметров взаимодействия с источником сигнала, его продолжительность, осознанность и контролируемость, а также характеристики обстоятельств (ситуаций) потребления медиасигнала. Проблема нормирования физического взаимодействия с источником медиа связывается с экстремальной активацией сигналов, «сверхстимулирующей средой», избыточностью потока данных, обесценивания релевантных сведений, фактом временной и когнитивной ограниченности ресурсов потребляющего субъекта. За основу теоретического описания феноменальности медиашума берутся установленные современным санитарным

законодательством дефиниции экологических факторов, принципы нормирования: дозирование, пределы допустимости, дифференциация по местам и ситуациям, прогнозирование эффектов воздействия через количественные характеристики интенсивности и продолжительности воздействия. Внимание фокусируется на специфике источников зашумленности – технических источников массивификации информации (проигрывателей, экранов, громкоговорителей и т.д.), этимологически обосновывающих понятие медиашума.

Отмечаются два признака медиашума: фоновый (нецелевой) режим потребления медиасигнала и вынужденный характер потребления медиасигнала, который может быть вызван неподконтрольностью работы источника сигнала (экрана, проигрывателя и т.п.) воспринимающему субъекту либо аддитивным состоянием субъекта. Фоновый режим медиапотребления означает активацию работы медиасигнала в качестве заднего плана, фона для другой деятельности, основной и релевантной. Вынужденность потребления связывается с объективной или субъективной невозможностью управлять источником медиа сигнала и чаще всего проявляется при активации аудиосигнала, исключающего возможность индивидуального снижения интенсивности и установлении барьеров, подобно визуальной информации, момент реализации которого совпадает с моментом его восприятия людьми, находящимися в определённом радиусе.

Активация звука в форме музыки стала универсальным атрибутом индустрии досуга, а стандартизация фонового медиапотребления ведёт к закреплению паттерна на уровне поколений. Утверждается, что востребованность фонового медиапотребления связана с возможностями медиасигнала конструировать ощущение нужной ситуации («развлечения», «дома», «маркет», «путешествие» и т.д.), а также быстрого и беззатратного положительного подкрепления, благодаря идеаторному характеру эмоций. На основе выявленного исследователями реагирования вегетативной нервной системы, сопровождающего эмоциональную реакцию на музыку, а также нарушения производительности труда и творческого потенциала при прослушивании фоновой музыки, выдвинуто предположение об информационном стрессе как негативном эффекте медиашума. Аудиосигнал увеличивает требования информационной среды, разрыв между этими требованиями и ресурсами организма автоматически «включает» реакцию организма, принуждает к переживанию эмоций и, вследствие ограниченности ресурсов организма, ведёт к информационному стрессу, угнетает текущую деятельность в результате внешней отвлекаемости и приводит её торможению как реакции на новизну стимула, снижает корректность интерпретации значимой информации, включая образовательную информацию.

Особая рискогенность медиашума для детей обусловлена уязвимостью их психических и когнитивных процессов и в ряде случаев объективным отсутствием власти над источником трансляции сигнала. Проблематизация безопасности формы потребления медиасигнала непосредственно связана с технологическим развитием и совершенствованием устройств воспроизводства аудио- и аудиовизуального сигнала и его публикации в любых социальных ситуациях. Приводятся результаты авторского исследования, направленного на проверку обоснованности рискогенности медиашума и определение характеристик значимых параметров медиазашумленности. Индивидуальный уровень медиазашумления определялся на основе параметризации и индикации критериев. Гипотетически предполагалось: существование универсальных характеристик ситуаций (локаций) наибольшего медиазашумления; дифференциация медиазашумленности в соответствии с характеристиками социального портрета, корреляция между параметрами медиазашумленности; возможность типологизации медиазашумления. В результате опроса выявлено двукратное преобладание доли респондентов с наивысшей степенью медиазашумленности. Наиболее значимыми

характеристиками социального портрета явились численный состав семьи, место проживания, половая принадлежность. Среди значимых показателей повышенного уровня медиазашумленности определены: дискомфорт от тишины, частота потери осознанности потребления медиасигнала; неготовность установить контроль или прервать воздействие медиасигнала; преимущественное самоинициированное потребление медиа дома с использованием «средств изоляции и персонализации медиапотребления» (наушников) как адаптивная стратегия по отношению к внешнему сигналу. Выявлено доминирование музыкальных произведений среди видов информационной продукции, потребляемой в фоновом режиме, атрибутивность и эскортирующее значение музыки для досуговых и иных практик. У трети респондентов выявлена психологическая уязвимость перед тишиной («невыносимость» тишины), навязчивая потребность в эмоционально насыщенных акустических раздражителях, при том, что эмоциональное инвестирование в музыкальный фон удаляет основную деятельность («обычные дела») из переднего плана.

Выявленная статистика негативных самоощущений: раздражение (20%), дискомфорт (10%), беспомощность (2%) в связи с осознанием невозможности управлять источником медиа (выключить, снизить интенсивность (громкость), сигнализирует о соответствующей симптоматике медиашума как вредного экологического фактора. Ситуацией наибольшего медиашумового загрязнения является личный и общественный транспорт, на втором месте – дом, на третьем – торговые центры и общественные пространства. Более трети респондентов самостоятельно инициируют фоновую работу медиасигнала «всегда, когда есть возможность». Четверть опрошенных делают это ежедневно и находятся в этой ситуации более четырёх часов.

Во втором параграфе третьей главы «**Типы медиазашумления**» автором предпринимается попытка типологизации медиазашумления на основе выявленной в ходе опроса дисперсии характеристик социального портрета, особенностей субстанции медиазашумления и содержания переднего плана (основной деятельности). Выделены три типа медиазашумленности: 1. «Групповой», медиазашумление в результате действия группового паттерна; 2. «Локационный»; 3. «Аддиктивный». Установлено, что к одному из этих типов принадлежат от 11 до 14% респондентов, каждый тип предполагает собственную управленческую стратегию.

Автором делается вывод о том, что реальность технического прогресса в области коммуникаций, автоматически ускоряющего распространение медиазашумления через общедоступность средств массификации и тиражирования сигнала, а также востребованность потенциала медиасигнала по конструированию психологических состояний посредством активации эмоционального реагирования, способствует нормативизации аффективных психологических состояний и снижению резистентности к медиашуму. Особая опасность медиашума для детей заключена в их компетентностной слабости, а также зависимости от экологической чистоты домашней среды, которая становится наиболее медиазашумленной. Дефицит тишины на фоне девальвации естественного состояния окружающей среды вне работы медиасигнала определяет рост аддиктивного медиаповедения. Профилактика патологических воздействий медиашума при помощи установления контроля над информационным пространством, понимаемым не только в контентном смысле, но и в форматном, достижимо совокупностью управленческих мер, в том числе нормированием потребления медиасигнала и в контроль за его соблюдением.

В четвёртой главе «**Моделирование управления информационной безопасностью детей**» представлена модель управления информационной безопасностью детей, объединяющая теоретико-методологические подходы к феномену информационной безопасности, концептуально-правовые основы, устанавливающие

субъектный состав управленческой и управляемой структур, учитывающая особенности возрастной дифференциации объекта вреда – здоровья и развития ребёнка. Модель демонстрирует управленческую парадигму постановки и решения проблемы информационной безопасности детей и имеет целью описание целостного практико-ориентированного концепта.

В первом параграфе четвёртой главы «**Механизм управления информационной безопасностью детей**» на основе результатов выполненного автором анализа практик обеспечения информационной безопасности детей, а также классификации рисков уточняется теоретическая база и эмпирическое наполнение механизма воздействия на риски вреда от информации. Устройство управленческого механизма представляется в виде универсальной схемы, демонстрирующей логику и взаимосвязь основных компонентов: управляющей системы (субъектов управления), управляемой системы (объекта управления) и управляющего воздействия (мер, средств, процедур) (рис.1). Цель механизма – создание и поддержание состояния защищённости детей от рисков причинения информацией вреда их здоровью и развитию; объект управленческих воздействий – риски от информации, а именно факторы рискованного поведения – мотивы и условия, которые конкретизируются на каждом этапе взаимодействия ребёнка с информацией; управленческое воздействие – меры идентификации, снижения, превенции и прогнозирования риска, предполагающие наличие соответствующих ресурсов у управляющего субъекта. Объём требуемых для управления конкретным риском ресурсов назван ресурсоёмкостью этого риска.

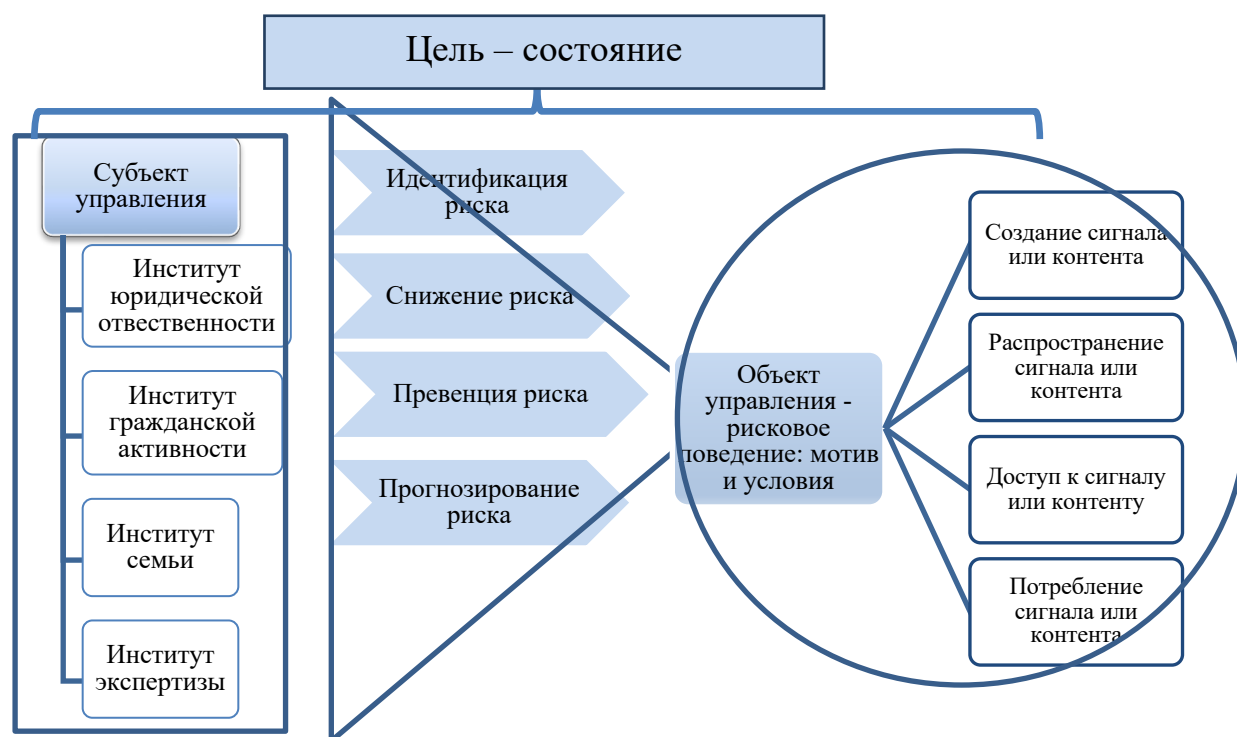

Рис. 1. Схема устройства механизма управления информационной безопасностью детей

Исходя из анализа принимаемых в расчет факторов риска выводится формула оценки вероятности вреда. Снижение вероятности вреда предусматривает воздействие на те переменные, которые поддаются управлению – доступность информации и степень вреда. Вероятностный характер вреда означает, что рискованное поведение заключается в повышении вероятности вреда через повышение степени опасности контента или повышение его доступности, а управленческое воздействие – в снижение этой

вероятности через влияние на поведение субъектов риска, мотивы и условия, на отдельном этапе коммуникативной цепи. Субъект-объектный подход к управлению рисками связывается с характеристиками поведения рефлексизирующего опасность и выбирающего из перечня доступных альтернатив субъекта и объективностью «качественно-количественного выражения реально существующей неопределенности» (Луман).

Субъектный состав управленческой системы определяется исходя из национальных нормативно-концептуальных и стратегических документов. Отмечается переменчивость статусных позиций субъектов риска и управления, возможность преемства ответственности субъектом вышележащего уровня за рисковое поведение субъекта нижележащего уровня. Раскрывается возможная диффузия статуса субъекта рискового поведения. Отклонение мотива управленческого субъекта от публичного интереса есть условие для появления управленческого риска.

Имитация перехода системы из состояния опасности в состояние безопасности использует дивергенцию основных элементов системы управления в соответствии с рискологическим подходом к феномену безопасности, значением компонентов мотивационной структуры рискового поведения, последовательностью управления риском, обобщенным представлением о коммуникативной цепи, вероятностным характером вреда от информации, представлением о двукомпонентной природой информации, ограниченностью управленческих ресурсов, а также в соответствии с целеориентированным управленческим действием (вектором) как наиболее интенсивным.

Во втором параграфе четвертой главы «**Модель управления информационной безопасностью детей**» описываются алгоритм и принципы работы предлагаемой интегральной ресурсно-векторной модели. Синтез подходов к пониманию феномена безопасности, объединение методологии и методов управления социальными рисками, нацеленность на аккумуляцию потенциала управленческих структур, соответствующих природе вреда от информации, и их открытость для вхождения новых субъектов, характеризует модель как интегральную. Интегральная ресурсно-векторная модель являет собой трансформацию теоретической концепции управления рисками в систему практико-прикладных инструментов процесса управления на уровне конкретных управленческих действий.

Ресурсность и векторность признаются метафакторами эффективности управления информационной безопасностью детей. Векторность есть правильное определение факторов рискового поведения и его субъекта, ресурсность – определение управленческих мер и субъекта, обладающего ресурсами для реализации этих мер (ресурсностью). Механизм работы модели заключается в порядке повышения уровня принятия управленческих решений, то есть в формулировании риска для вышестоящего уровня в целях расширения пространства действия управленческой меры, круга социальных отношений, где может реализоваться рисковое поведение, в целях увеличения социальности проблематизации риска.

Моделируется реализация управленческой деятельности в направлении синхронизации динамики зоны риска и управленческой системы, совпадения траекторий управленческих воздействий и зоны рисков. Принципами работы модели выступают: экономия управленческих ресурсов; трансфер, заимствование и распределяемость ресурсов субъектов управления; наращивание ресурсов; адресность управленческого воздействия; дифференциация факторов риска; направленность на снижение вероятности дефектов мотивации управленческих субъектов; дифференциация вреда от информации: контентный и форматный (сигнальный) вред; нацеленность на превенцию

риска; нормативная заданность критериев вредной информации; публичное значение информационной безопасности каждого ребенка (социальность риска).

Модель демонстрирует возможности оперативного перенаправления (делегирования) ресурсов субъектов управления друг другу, установления вектора управленческого воздействия на источник риска, расчёта ресурсоёмкости риска. Ресурсоёмкость риска (востребованность в управленческих ресурсах) дифференцирована характеристиками субъекта рискованного поведения и его социально-правовым статусом, особенностями информационной продукции. Раскрываются особенности ресурсоёмкости риска, индуцируемого поведением отдельного субъекта риска на определенном этапе коммуникативной цепи и характеристики управленческого воздействия соответствующей управленческой структуры. Отмечается, что ресурсоёмкость риска меняется при переходе на следующий этап коммуникативной цепи. Оперативность управленческого воздействия со стороны субъекта, обладающего наибольшим объемом требуемых на определенном этапе полномочий и компетенций, характеризует векторность управления. Векторность как характеристика модели заключается в согласовании движения объекта управления и субъекта управления по скорости и направлению, а ресурсность – в ориентации на управленческий потенциал.

Поскольку ресурсы распределены между субъектами управления неодинаково, а ресурсоёмкость риска может потребовать разнообразных полномочий и компетенций и участия нескольких субъектов, приобретает значение возможность трансфера ресурсов. Правила трансфера ресурсов субъектов управления соответствуют порядку и правилам преемства ответственности субъектов рискованного поведения. Среди принципов и правил трансфера управленческих ресурсов выделяются: восполнение недостатка ресурсов основного субъекта управления со стороны других субъектов, экономия ресурсов, законность делегирования ресурсов, перераспределяемость ресурсов внутри отдельной управленческой структуры. Преемство ответственности за риск означает изменение объекта управленческого воздействия - мотивов и условий рискованного поведения и требует определения и фиксации, например, через официализацию существующей связи между всеми участниками информационного обмена, включая потребителя информации как опосредованного заказчика. Условиями применимости трансфера ресурсов выступает степень институционализации субъектов управления; их правовой статус по отношению к субъектам риска; форма рискованного поведения субъектов риска (пассивная или активная) при взаимодействии с конкретным типом информационной продукции; характеристики оборота информационной продукции.

Выявлена особая ресурсоёмкость риска, индуцируемого поведением участников сетевого информационного пространства. Переход от экстенсивного управления рисками к интенсивному возможен через использование управляющей системой сетевых технологий обратной связи, аккумуляирования и обработки общественного мнения, демонополизацию принятия управленческих решений.

Нацеленность модели на превенцию рисков предполагает прогнозирование рисков посредством мониторинга условий реализации мотивов субъектов рискованного поведения, то есть аудита результатов технологического развития информационно-коммуникативной сферы в отношении каждого звена коммуникативной цепи, оценку их соответствия требованиям информационной безопасности детей, расчета «удельной опасности» технологии по её темпоральным характеристикам, степени когнитивного приближения к пользователю (сокращению момента рефлексии опасности), степени изолированности/связанности с другими технологиями или функциями, достигаемости и доступности для автоматической фильтрации, предварительной модерации и другим критериям. Алгоритм работы модели заключается в последовательном восхождении уровней принятия управленческого решения, на каждом из которых определяется

возможность применения конкретных мер управления рисками: прогнозирования, диагностики, снижения, профилактики риска (рис.2).

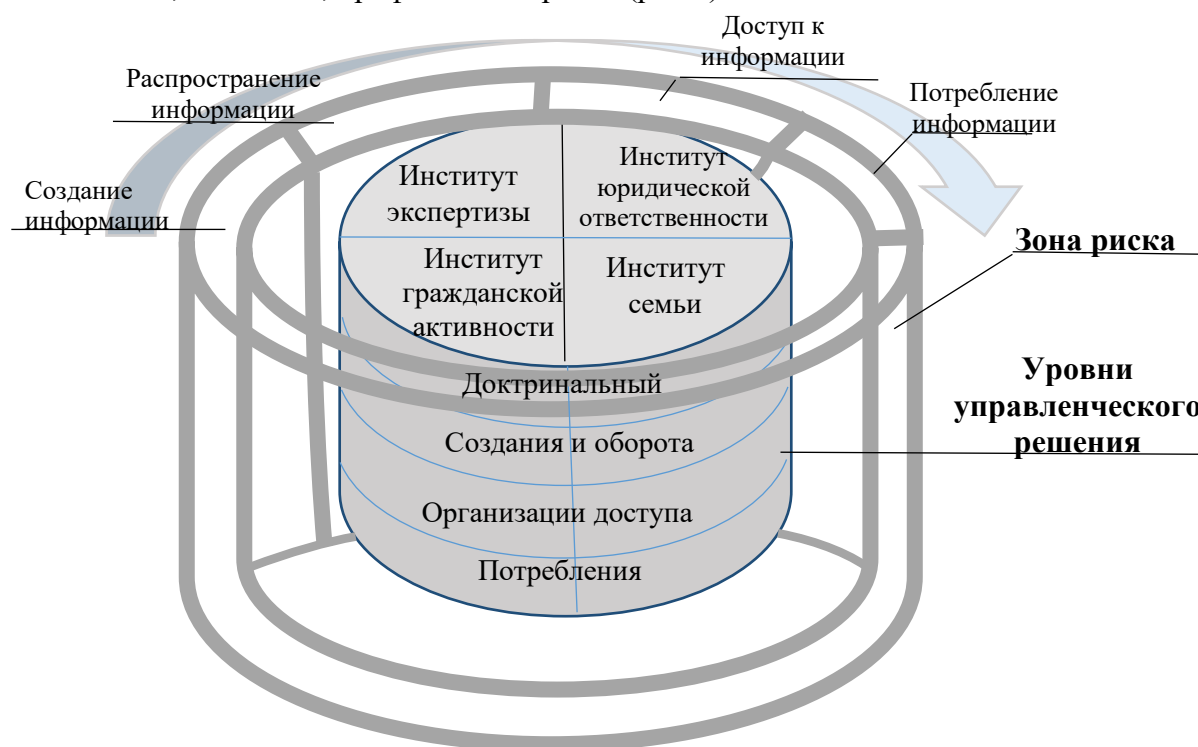

Рис. 2. Модель управления информационной безопасностью детей

Управление реализуется, во-первых, через повышение уровня управленческого решения путем соответствующей этому уровню интерпретации (оптике) риска и, во-вторых, последовательностью управленческих действий. Задачей повышения уровня принятия управленческого решения в отношении конкретного риска выступает увеличение поля управленческого воздействия, охват им большего числа детей, потенциально подверженных данному риску. Последовательность управленческих действий реализуется на каждом уровне и в порядке фиксации риска, и в порядке применения ресурса его снижения через: 1) отнесение риска к определённому этапу информационно-коммуникативного процесса; 2) определение обладающего необходимой ресурсностью субъекта управления; 3) определение необходимости и возможности заимствования ресурсов; 4) применение меры; 5) выведение до следующего уровня принятия решения и применение меры на данном уровне. Общий результирующий эффект интегральной ресурсно-векторной модели управления информационной безопасностью детей заключается в преодолении технологической предопределенности рисков от информации через переход от экстенсивной к интенсивной стратегии управления рисками и конвергенцию природы управляющей и управляемой системы.

В **Заключении** обобщаются выводы исследования, подводятся итоги и формулируются результаты, намечаются направления дальнейшей разработки проблемы. Научная концептуализация проблемы информационной безопасности детей осуществлена через призму технологической экспансии и доместикации медиа, формирование паттерна повсеместного медиапотребления и зашумления жизненного пространства. Обоснован синергийный принцип управления. Раскрыто место управления информационной безопасностью детей в системе научного знания. На основе определения теоретико-методологического каркаса механизма реализации информационной безопасности детей сконструирован целостный практико-

ориентированный концепт, направленный на решение задачи всесторонней защиты детей, гарантирования их благополучия в условиях нарастающей технологически обусловленной информационно-экологической обстановки. Отмечается обоснованность аналогии проблематики исследования с экологической повесткой. Намечены перспективные направления научных исследований. К ним относится исследование особого типа зашумления, которое требует междисциплинарного подхода, средств диагностики и оценки, а также разработки трансдисциплинарной методологии выявления влияния закономерностей и динамики технологического развития на состояние индивидуальной и национальной информационной безопасности.

Основные положения диссертации отражены в двух монографиях и 72 научных работах, общим объемом 40,27 п.л.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Polyamina A., Andreeva. Ju. Development of civic activism as a strategy of public regulation in the field of information security // E3S Web of Conf. 2023. Vol. 449. International Scientific and Practical Conference «Priority Directions of Complex Socio-Economic Development of the Region» (PDSED 2023), 2023. 449. 07009. 0,87/0,5 п.л. (Scopus).
2. Полянина А.К. Мотивы субъектов риска в системе управления информационной безопасностью детей // Теория и практика общественного развития. 2022. № 12(178). С. 82-87. 0,55 п.л.
3. Polyamina A.K., Grudzinskiy A.O. Expert Assessments of Media Industry Products: Information Safety for Children. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2021. 7. P. 83-89. 0,66/0,5 п.л. (Scopus, WoS).
4. Полянина А.К. Государственная защита детей от вредной информации: анализ трех правоприменительных прецедентов // Общественно-научно-политический журнал «Власть», 2021. Т. 29. № 2. С. 78-86. 0,7 п.л.
5. Полянина А.К. Государственный контроль над оборотом вредной для детей информации: анализ судебной практики // Социодинамика. 2021. № 11. С. 54 – 60. 0,5 п.л.
6. Polyamina A.K. Media Noise: the problem of hygienic rationing and personal well-being // E3S Web Conf. 2021 IV International Scientific and Practical Conference «Sustainable Development and Green Growth on the Innovation Management Platform» (SDGG 2021), 2021. 291. 05004. 0,66 п.л. (Scopus).
7. Полянина А.К. Модели регулирования медиа: компаративистский анализ// Социодинамика. 2021. № 12. С.1-7. 0,52 п.л.
8. Полянина А.К. Анализ нормативно-доктринальных основ системы информационной безопасности детей // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. №12 (92). С.108-112. 0,4 п.л.
9. Полянина А.К. Межстрановая типологизация систем фильтрации контента // Вестник экономики, права и социологии. 2021. №4. С.123-127. 0,46 п.л.
10. Полянина А.К. Гиперсетевая модель медиакommunikации: новые качества рисков вреда от информации детской аудитории // Коммуникология. 2021. Т.9. №4. С. 168-159. 0,7 п.л.
11. Полянина А.К. Паттерн детства как ориентир обеспечения защиты детей от вредной информации // Вестник экономики, права и социологии. 2021. №4. С. 118-122. 0,45 п.л.
12. Полянина А.К. Феномен медиашума: рискогенность фонового медиапотребления // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 215-223. 0,77 п.л. (WoS).

13. Polianina A.K., Grudzinsky A.O. Transformation of Childhood in a Digital World // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. V. 1100. p. 424-431. 0,7/0,5 п.л. (Scopus).
14. Полянина А.К. Границы креативности: социальный контроль этических аспектов рекламы в контексте информационной безопасности детей // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 51. С. 140-148. 0,65 п.л. (WoS).
15. Полянина А.К., Грудзинский А.О. Анализ практики государственного и общественного контроля рекламы и подходов к выявлению непристойного в рекламной продукции // *Общенациональный научно-политический журнал «Власть»* 2019. Т. 27. № 3. С. 155-160. 0,49/0,35 п.л.
16. Полянина А.К., Андреева Ю.В. Информационный шум в пространстве развития ребёнка: концептуальное обоснование // *Коммуникология*. 2019. Т. 7. № 2. С. 109-121. 0,9/0,7 п.л.
17. Полянина А.К. Исследование моделей фильтрации вредной для детей информации на основе сравнения подходов, используемых в зарубежных странах // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. № 4. 2018. С. 70-80. 1,17 п.л.
18. Полянина А.К. Управление информационной безопасностью детей как системой социальных взаимодействий // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. № 1. 2018. С. 62-67. 0,62 п.л.

Монографии:

19. Полянина А.К., Грудзинский А.О. Экспертная оценка контента и контекста в системе обеспечения информационной безопасности детей // *Социология в оценке и анализе развития современного общества: Монография*. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 76-95; 1,0/0,7 п.л.
20. Полянина А.К. Управление информационной безопасностью детей: теория и практика // *Н.Новгород: Нижний Новгород: изд-во ННГУ*, 2021. 285 с.. 11,5 п.л.

Другие публикации:

21. Полянина А.К. Информационная политика минимального государства // *Гражданское общество в России и за рубежом*. № 3. 2023. С. 20-24. 0,6 п.л.
22. Полянина А.К., Автимонова С.В., Аксенова А.С. и др. Актуальные проблемы публичного права: Обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции «III Гореликовские чтения: современные проблемы юридической науки, образования и практики» // *Сибирский антропологический журнал*. Т. 7. № 3. 2023. С. 149-166. 0,3 п.л.
23. Полянина А.К. Проблема информационной безопасности детства в условиях цифровизации социального пространства // *Человекоориентированное управление: будущее цифрового общества: сборник статей по итогам Национальной научно-практической конференции с международным участием Санкт-Петербург*, Изд-во Санкт-Петербургского гос. эконом. ун., 2023. С. 78-83. 0,25 п.л.
24. Полянина А.К. Медиазагрязнение образовательной среды ребенка // *Яковлевские чтения: патриотизм, гражданственность, духовность в аспекте современных социокультурных процессов: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 175-летию со дня рождения И.Я. Яковлева, Чебоксары*, Изд-во Чувашского гос. ун., 2023. С. 646-649. 0,17 п.л.
25. Полянина А.К. Информационная свобода и информационная безопасность: проблемы конституционно-правовой интерпретации // *Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: Материалы XII научно-практической конференции*, Липецк, Изд-во Липецкого гос. пед. ун., 2023. С. 56-59. 0,1 п.л.

26. Полянина А.К. Медиашумовое загрязнение образовательного пространства // Образование и социализация личности в современном обществе : материалы XIV Международной научной конференции, посвященной 200-летию К.Д. Ушинского (1823–1871), 90-летию М.И. Шиловой (1933–2015), 90-летию Д.Г. Миндиашвили (1933–2021), Красноярск, Изд-во Красноярского гос. пед. ун. 2023. С. 46-51. 0,2 п.л.
27. Полянина А.К. Возрастная маркировка медиаконтента: проблемы и механизмы // Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия : Материалы международной научно-практической конференции, Москва, Изд-во Московского гос. ун. им. М.В. Ломоносова, 2023. С. 400-401. 0,06 п.л.
28. Полянина А.К. Феномен сетевых коммуникаций и трансформация аппарата государства // Социальные коммуникации: философские, политические, религиозные, культурно-исторические измерения: Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Кемерово, Изд-во Кемеровского гос. ун., 2023. С. 357-360. 0,19 п.л.
29. Полянина А.К. Контентная фильтрация как элемент экологизации информационного пространства // Среда. Культура. Текст : Сборник материалов I Всероссийской научно-практической междисциплинарной конференции, Нижний Новгород, Изд-во Нижегородский гос. ун. 2023. С. 210-213. 0,2 п.л.
30. Полянина А.К. К вопросу альтернативной модернизации в условиях медиатизации жизни // Философские и методологические проблемы исследования российского общества : Сборник трудов VII Международной научно-практической конференции, Москва, Изд-во Российского университета транспорта, 2023. С. 169-171. 0,15 п.л.
31. Полянина А.К. К вопросу понимания качества информации и виртуальной среды // Социальная реальность виртуального пространства : Материалы V Международной научно-практической конференции, Иркутск, Изд-во Иркутского гос. ун. 2023. С. 155-159. 0,13 п.л.
32. Полянина А.К. Реализация контентной фильтрации медиатекста // Картина мира в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах: поиски общих закономерностей: Сборник материалов XI Всероссийской научно-практической конференции, Биробиджан, Изд-во Приамурского гос. ун. 2023. С. 152-154. 0,17 п.л.
33. Полянина А.К. Реализации сетевых технологий в образовании и проблема медиазагрязнения информационного пространств // Перспективы развития высшей школы : Материалы XVI научно-методической конференции, Гродно, Изд-во Гродненского гос. аграрного ун. 2023. С. 148-152. 0,22 п.л.
34. Полянина А.К. Оценка контекста информационной продукции в цифровом пространстве // Роль и статус языка в цивилизационном пространстве: сборник статей Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, Изд-во Петербургского гос. ун. путей сообщения, 2023. С. 120-124. 0,25 п.л.
35. Полянина А.К. Гибридный механизм возрастной маркировки контента // Уральский социологический форум к 100-летию Л.Н. Когана: Культура, личность, общество в условиях перемен: новые вызовы, проблемы, перспективы: Материалы XXVI Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана, Екатеринбург, Изд-во Уральского гос. ун., 2023. С. 112-119. 0,65 п.л.
36. Полянина А.К. Культурное наследие, ценности и культурные ценности как политико-правовые категории и объекты государственной охраны // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. Изд-во Алтайского гос. института культуры, 2023. С. 1-19. 0,4 п.л.

37. Полянина А.К. К проблеме оценки семантических свойств контекста в целях защиты детей от вредной информации // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2022. Т. 1, № 3-1. С. 196-200. 0,25 п.л.
38. Полянина А.К. Дефекты правового обеспечения информационной безопасности детей // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2022. Т. 3, № S(89). С. 16-18. 0,29 п.л.
39. Полянина А.К. Обеспечение информационной безопасности детей как форма профилактики девиантного поведения // Российская девиантологическая панорама: теория и практика: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, Изд-во Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел РФ, 2022. С. 286-291. 0,3 п.л.
40. Полянина А.К. Медиашумовое загрязнение жизненного пространства современной молодёжи // Современная социологическая наука: ключевые тренды и перспективы исследования общества : сборник научных трудов V Международной конференции, Казань, Изд-во Казанского университета, 2022. С. 220-224. 0,3 п.л.
41. Полянина А.К. Риски потребления медиапродукции в фоновом режиме// Социальная реальность виртуального пространства: материалы IV Международной научной конференции, Иркутск, Изд-во Иркутского гос. ун., 2022. С. 271-277. 0,32 п.л.
42. Полянина А.К. Права детей на безопасную информационную среду в условиях глобальной цифровизации // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональный вектор: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, Изд-во Дальневосточного института управления, 2022. С. 177-182. 0,32 п.л.
43. Полянина А.К. Фоновый режим медиапотребления: факторы и риски// MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Челябинск, Изд-во Челябинского гос.ун., 2022. С. 227-231. 0,18 п.л.
44. Полянина А.К. Контентная фильтрации в социальных системах с разными «режимами истины» // В поисках социальной истины: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Иркутск, Изд-во Иркутского гос.ун., 2022. С. 128-131. 0,2 п.л.
45. Полянина А.К. Идеологическое наполнение информационной политики государства // Конфликт идеологий: философские, социально-политические и культурно-исторические аспекты: Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Самара, Изд-во: ООО «САМАРАМА», 2022. С. 229-232. 0,12 п.л.
46. Полянина А.К. Отдельные проблемы защиты детей от вредной информации// Современные научные исследования: проблемы и перспективы: Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Киров, Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2022. С. 266-268. 0,22 п.л.
47. Полянина А.К. К проблеме анализа и описания национальных ценностей в контексте национального самосознания // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью. сборник материалов V Международной научной конференции. Челябинск, Изд-во Челябинского гос.ун. 2022. С. 222-224. 0,2 п.л.
48. Полянина А. К. Детский омбудсмен как структура гражданской активности // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы (современный мир в условиях глобальной турбулентности): Материалы VI Международной научно-практической конференции, Новокузнецк, Изд-во Кузбасского гос.тех.ун., 2022. С. 301-302. 0,16 п.л.

49. Полянина А.К. Некоторые проблемы обеспечения информационной безопасности детей // Импортзамещение, научно-техническая и экономическая безопасность: Сборник статей V Международной научно-технической конференции. В 3-х томах, Минск, Изд-во Белорусского гос.тех. ун., 2022. С. 298-300. 0,12 п.л.
50. Полянина А.К. Рискогенность геймификации образовательных технологий // Мир культуры: искусство, наука, образование: Сборник научных статей – Челябинск, Изд-во Южно-Уральского государственного института искусств, 2022. С. 282-284. 0,1 п.л.
51. Полянина А.К. Контентная фильтрация в системе реализации информационной безопасности детей // Социальная безопасность и защита интересов семьи в условиях новой общественной реальности: Сборник материалов XIV межрегиональной научно-практической конференции учёных, преподавателей, специалистов, аспирантов, Пермь, Изд-во Пермского гос. ун., 2022. С. 60-63. 0,17 п.л.
52. Полянина А.К. Государственное управление в области обеспечения благоприятной информационной среды в общественном транспорте // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2022. Т. 19, № 4. С. 867-875. 0,72 п.л.
53. Полянина А.К. Синергия государственного регулирования и гражданской активности при обеспечении информационной безопасности детей // Теория и практика общественного развития. 2021. №11. С.53-66. 0,35 п.л.
54. Полянина А.К. Проблемы интерпретации текста и контекста в условиях глобального медийного пространства // Языки и литература в поликультурном пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва: Изд-во «Перо», 2021. С. 153-155; 0,15 п.л.
55. Polianina A.K., Andreeva Y. V. Stressogenicity of Media Noise in the Conditions of Background Media Consumption // International Journal of Criminology and Sociology, 2021, 9, P.1740–1745. 0,6/0,4 п.л.
56. Полянина А.К. Потенциал и автономия личности в эпоху медийного изобилия и предельного уплотнения коммуникаций // Одаренность: условия и факторы : материалы международной научной конференции, Будва, Черногория, Изд-во Союз Ученых «Институт изучения общественных явлений», 2020. С. 32-35. 0,12 п.л.
57. Полянина А.К. Проблема медиашума в информационном пространстве ребенка // Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, Изд-во московского гос.ун. 2019. С. 70-71. 0,08 п.л.
58. Полянина А.К. Медийное загрязнение жизненного пространства и информационное здоровье современного человека // Здоровье как ресурс: V. 2.0. Международная научно-практическая конференция. Нижний Новгород, Изд-во Нижегородского гос.ун., 2019. С. 301-305. 0,22 п.л.
59. Полянина А.К. Эволюция детства и юности в условиях информатизации социальной среды//Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью. Материалы международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, Изд-во Нижегородского гос.ун., 2019. С. 344-346. 0,15 п.л.
60. Полянина А.К., Грудзинский А.О. Информационный фактор в развитии социальной аномии и формировании революционной ситуации // 1917: Россия в период революции. История, культура и память. – Москва: Ленанд, 2019. С. 373-387. 1,0/0,8 п.л.
61. Полянина А.К. Государственное регулирование в области информационной безопасности детей // Актуальные проблемы управления. Сборник научных статей по итогам V Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, Изд-во Нижегородского гос.ун., 2018. С. 457-460. 0,25 п.л.

62. Полянина А. К. Медиаобразование в системе информационной безопасности // Медиаобразование : Материалы Третьей международной научно-практической конференции, Челябинск, Изд-во Челябинского гос. ун., 2018. С. 18-21. 0,16 п.л.
63. Полянина А.К. Проблема информационной безопасности детей как результат трансформации социальной ситуации развития // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия. Материалы Международной научно-практической конференции в рамках III Всероссийского научного форума «Наука будущего - наука молодым», 2017. С. 576-580. 0,22 п.л.
64. Полянина А.К. Принцип автономии личности в постановлениях европейского суда по правам человека // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 195-204; 0,76 п.л.
65. Полянина А.К. Понятие информационной продукции как ключевой категории системы правового обеспечения информационной безопасности детей // Lex russica (Русский закон). 2015. Т. 108. № 11. С. 75-82. 0,7 п.л.
66. Полянина А.К. Семейно-правовая ответственность родителей за ненадлежащее исполнение обязанности по обеспечению информационной безопасности детей // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 34-38. 0,4 п.л.
67. Полянина А.К. Вопросы конституционно-правовой характеристики свободы совести // Юрист ВУЗа. 2014. № 9. С. 63-69. 0,4 п.л.
68. Полянина А.К. Реализация принципа автономии личности в правовом регулировании рекламной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2782-2787. 0,6 п.л.
69. Полянина А.К. Правовое обеспечение информационной безопасности детей при обороте информационной продукции, имеющей значительную культурную ценность // Юридический мир. 2014. № 9. С. 36-41. 0,55 п.л.
70. Полянина А.К. Гарантия свободного развития человека и ее связь с правом на образование // Юрист ВУЗа. 2014. № 6. С. 18-24. 0,44 п.л.
71. Полянина А.К. Значение цензуры для обеспечения информационной безопасности личности и условий развития ее автономии // Современное право. 2014. № 9. С. 82-86. 0,44 п.л.
72. Полянина А.К. Право на личную культурную самобытность в контексте идеи автономии личности // Право и образование. 2014. № 10. С. 80-88; 0,4 п.л.